

8.2. Реакция России на восстание ихэтуаней

Восстание ихэтуаней, известное также как боксёрское⁶, направленное против иностранцев и их «приспешников» из числа китайцев, начало разгораться в 1898 г.⁷ Приготовления местных властей к войне с русскими в Маньчжурии имели место за 7–8 месяцев до восстания (в частности, начался призыв в знамённые войска)⁸. Поначалу боксёры не вызвали серьёзного беспокойства у русских дипломатов в Китае. Посланник М.Н. Гирс впервые выразил тревогу лишь в мае 1900 г.⁹ Мало о движении знали и в Порт-Артуре, черпая сведения о нём в основном из шанхайских и харбинских газет. Впрочем, не лучше вели себя и представители других стран. Исключение составлял лишь военный агент России в Китае полковник К.И. Вогак, призывавший относиться к повстанцам внимательно, но к нему не прислушались, списав это на его характер «алармиста и слишком беспокойного человека»¹⁰. Как вскоре оказалось, именно «алармист» оказался прав.

Восстание ихэтуаней вызвало неоднозначную реакцию в России. Конечно, сразу никто не мог предположить, во что выльется очередное массовое движение в Поднебесной и какие последствия для российской политики оно будет иметь. Николай II обещал Ли Хунчжану, обратившемуся в Петербург за содействием, что Россия «не объявит войну Китаю, а напротив, во внимание к исконной дружбе окажет всякое содействие к охранению независимости Китая»¹¹. Министр иностранных дел М.Н. Муравьёв развивал мысль: «Принимая во внимание, что задачи России на Дальнем Востоке совершенно расходятся с политикой прочих держав, мы и при настоящих событиях в Китае должны соблюдать особенное положение». То есть, российским войскам в Поднебесной следовало защитить жизнь и имущество соотечественников и оказать поддержку «законной власти в борьбе с революцией», чтобы затем возобновить с ней «добрые отношения»¹². Одновременно С.Ю. Витте разъя-

⁶ «Ихэтуань» в переводе с китайского – верность взаимно связанных волонтёров, ихэтуань – верность учащихся боксу (Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. Т.1. Харбин, 1923. С.188).

⁷ Ряд событий изложены в кн.: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. С предисловием и под ред. Б.Б. Глинского. Пг., 1916. С.100–103. Подробнее об ихэтуанях см.: Калюжная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1978.

⁸ Люпов [С.Н.]. Хуланьское фудутунство Хэйлунцзянской провинции. Ч.1. Хабаровск, 1903. С.266.

⁹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.15–16.

¹⁰ Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С.9–10, 12.

¹¹ Николай II – Ли Хунчжану 14 июня 1900 г. (копия) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.763. Л.56.

¹² М.Н. Муравьёв – Е.И. Алексеёву 5 июля 1900 г. // Коростовец И.Я. Указ. соч. С.20, прим.; Романов Б.А. Указ. соч. С.249.

нял главному инженеру КВЖД А.И. Юговичу, что Россия объявила мобилизацию резервистов в Приамурском военном округе¹³ не для войны с Пекином, «а для того, чтобы в случае надобности иметь возможность оберегать целостность и независимость Китая и его правительства»¹⁴. Министр финансов в тот момент был против ввода войск даже в полосу КВЖД, боясь испортить отношения с местными властями¹⁵. По-видимому, он излишне полагался на информацию, получаемую от А.И. Юговича. Главный инженер КВЖД до последней минуты просил не посылать войск в Маньчжурию, чем позже вызвал справедливые упреки в свой адрес от министра финансов¹⁶.

Так продолжалось до конца июня 1900 г., когда восстание уже всюду полыхало в Китае. Только 25 июня 1900 г. министр финансов обратился к Николаю II с предложением ввести русские части на КВЖД. Вообще позиция С.Ю. Витте в те месяцы оставляет впечатление непоследовательности и неопределённости, даже некоторой растерянности (надежда, что может всё обойдётся само собой), поэтому он выжидал до последнего¹⁷. С одной стороны, С.Ю. Витте советовал А.Н. Куропаткину «на всякий случай сосредоточить побольше войск. Лучше деньги потерять, чем престиж». «Побольше» в его понимании было – 100–150 тысяч солдат, «горстями» он называл 50 тыс., которые уже было намечено собрать на Дальнем Востоке¹⁸. И ему же не нравилось то, что А.Н. Куропаткин «зарывается», мобилизовал до 150 тыс. войск, хочет «лезть вперёд, Китай обезоружить, японцев устранить, Пекин взять и

¹³ И не только в нём. С.Ю. Витте сообщал Д.С. Сипягину: «Мобилизовали, кроме Амурского, часть Сибирского округа, из России назначили около 25 тысяч человек» (С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 7 [июля 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.32–33).

¹⁴ С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 15 июня 1900 г. (копия) // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.763. Л.57.

¹⁵ Симанский П.Н. Указ. соч. С.100. П.Н. Симанский склонен обвинять министра финансов в том, что запоздалая реакция России – на его совести.

¹⁶ Телеграмма С.Ю. Витте – А.И. Юговичу 20 октября 1900 г. // РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1222. Л.56. 15 июня 1900 г. хэйлунцзянский цзянь-цзюнь Шоу Шань (враг русских) направил А.И. Юговичу телеграмму с просьбой не вводить русские войска в Маньчжурию, так как это могло, по его мнению, вызвать недовольство населения. Несмотря на то, что одновременно главному инженеру КВЖД поступали сообщения от офицеров Охранной стражи, что в провинции идёт мобилизация солдат и лошадей, он не принял необходимых мер. 21 июня начались открытые нападения китайцев, а 25 июня три маньчжурских цзянь-цзюня предложили А.И. Юговичу передать КВЖД китайским чиновникам, а всем русским – покинуть пределы Поднебесной под конвоем китайских солдат. 28 июня Шоу Шань облёк это предложение в форму ультиматума. Лишь после этого главный инженер объявил по дороге тревогу и принятие чрезвычайных мер (Нилус Е.Х. Указ. соч. С.200–202).

¹⁷ Романов Б.А. Указ. соч. С.251.

¹⁸ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 7 [июля 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.32–33.

даже под шумок залезть в Корею»¹⁹. Тревогу у министра финансов вызывал не только размах замыслов военных, чреватый серьёзными осложнениями («если мы туда втянемся, то нам, наверное, что-нибудь поднесут на западной или азиатской границе»), но и чёткое осознание того, что на Дальнем Востоке проявилась опасная неопределённость российской политики («нет линии, нет твёрдости, нет слова»). Негативную роль сыграла также внезапная, из-за смерти М.Н. Муравьёва 8 июня 1900 г. смена министра иностранных дел. На некоторое время деятельность ведомства была парализована, это отмечали иностранные дипломаты²⁰. С.Ю. Витте констатировал расхождения во взглядах и действиях А.Н. Куропаткина и В.Н. Ламздорфа. Разумеется, он был на стороне последнего²¹. Сановник понимал, что появление на Дальнем Востоке многочисленной русской армии и её самостоятельные действия угрожают его влиянию, поэтому с самого начала выступал против похода русского отряда на Пекин²². Взгляды министра финансов разделяли В.Н. Ламздорф и главный начальник Квантунской области Е.И. Алексеев, им возражал только А.Н. Куропаткин²³. Больше всего С.Ю. Витте стремился обеспечить безопасность строящейся КВЖД и ветки от неё к Порт-Артуру, что, конечно, не удалось. Дорога была очищена от боксёров только 20 августа 1900 г.²⁴

События 1900 г. в Китае стали поводом для того, чтобы С.Ю. Витте заявил об изменении политики России (то есть, его) на Дальнем Востоке. Реальной причиной переосмысления явился начавшийся мировой экономический кризис. С.Ю. Витте забил тревогу ещё в конце 1898 г., столкнувшись с трудностью выхода с русскими бумагами на лондонский рынок, так как парижский уже не мог покрыть все потребности министра финансов. Правда, причины этого он искал преимущественно в политической плоскости (фашодский инцидент, ухудшение отношений Лондона и Парижа и негативное отношение к

¹⁹ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 11 [июля 1900 г.] // Там же. С.33. Хотя первоначально военный министр был солидарен с С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфом. О походе на Пекин он заговорил лишь в самом конце июня, впервые, кажется, 29-го (Романов Б.А. Указ соч. С.256).

²⁰ Ч. Скотт – Р. Солсбери 27 июня 1900 г. // PRO FO. 65/1599. P.275–278.

²¹ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 10 [августа 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.39–41.

²² Quested R.K.I. Op. cit. P.46.

²³ Пролог... С.107–108.

²⁴ Там же. С.112–116. Сложно судить о том, какое участие в уничтожении дороги на самом деле приняли боксёры. Руководство КВЖД было уверено, что трассу в Манчжурии разрушали в основном китайские регулярные войска под руководством местных властей, а ихэтуани в Северном Китае были слабы (телеграмма А.И. Юговича, С.В. Игнациуса и А.А. Гернграсса С.Ю. Витте 20 октября 1900 г., опубликованная в «Санкт-Петербургских ведомостях» 10 ноября 1900 г.).

России британского общественного мнения)²⁵. Тем не менее, продолжать размещение русских ценных бумаг на зарубежных рынках в прежнем объёме стало невозможно, поэтому на планы широкой экономической экспансии в Китай денег не оставалось, да и сами намерения изрядно сократились²⁶. Это нашло отражение в рескрипте Николая II министру финансов 17 июня 1900 г. В нём констатировалась неизбежность больших расходов, предстоящих казне из-за событий в Китае, и в связи с этим высказывалось опасение, что они могут повлечь за собой отток золота за границу. Обеспокоенный за устойчивость финансовой системы, царь предписывал всем ведомствам озаботиться сокращением расходов²⁷.

С.Ю. Витте также воспользовался услугами своего старого знакомого – В.П. Мещерского. 27 июля 1900 г. князь поместил в своем «Гражданине» №56 статью «Мысли сведующего человека» под псевдонимом «Русский», за которым скрывался сам министр финансов²⁸. В статье содержалось немало уже привычных утверждений, вроде особых отношений Петербурга и Пекина, отличных от тех, которые имеют другие державы. Но главный пафос статьи состоял в призыве отказаться от похода русских войск на Пекин и «скорее демобилизоваться». Но – «Существует злой дух, который постоянно шепчет на ухо: как бы было хорошо войти и даже водвориться в столице Китая, как бы было полезно захватить дорогу из Инкоу до Пекина, как было бы прекрасно отцать Корею, такой прекрасный случай, ведь, пожалуй, такого случая впредь не повторится – и проч. и проч. Советую действовать на сии демонские покушения, твердя: “не введи на во искушение, но избави нас от лукавого”». Кроме этого, статья С.Ю. Витте провозглашала отказ от каких-либо замыслов в отношении Центрального или Южного Китая: «Наш же современный интерес находится ныне только исключительно в пределах железной дороги до Владивостока и Порт-Артура». Правда, это заявление сопровождалось двусмысленной фразой: «История имеет свое течение – нельзя безнаказанно делать в годы то, что если сие предназначено судьбой, возможно сделать лишь в десятки лет».

Выступление С.Ю. Витте вызвало полемику в верхах по вопросу дальнейшей политики России на Дальнем Востоке. А.Н. Куропаткин ответил запиской

²⁵ Всеподданнейшая докладная записка С.Ю. Витте «Об угнетённом положении денежных рынков» 4 ноября 1898 г. // Исторический архив. 1959. №1. С.126–128.

²⁶ 8 сентября 1900 г. в разговоре с А.Н. Куропаткиным С.Ю. Витте жаловался на невозможность занять денег за границей (средства были только в США и отчасти во Франции), поэтому «ему надо во что бы то ни стало прожить этот год без займа и доказать, что смута в Китае не расстроила нашего бюджета» (Дневник А.Н. Куропаткина (копия). Запись 9 сентября 1900 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.4768. Л.42 об. – 43).

²⁷ Текст рескрипта – РГА ВМФ. Ф.763. Оп.1. Д.43. Л.34.

²⁸ Автограф статьи – РГИА. Ф.1622. Оп.1. Д.1018. Л.236–239.

3 августа 1900 г., в которой, не соглашаясь с главой финансового ведомства, утверждал, что в отношениях России и Китая нет ничего специфического. Строительство КВЖД (а не только захват Порт-Артура) отразило не особые связи соседей, а «право сильного», то есть Россия вела себя точно так же, как и другие державы, добиваясь от Срединной империи уступок в свою пользу. Этим генерал объяснял недружественное отношение Китая к России, явственно проявившееся в 1900 г., что оправдывало посылку русского отряда в Пекин. Однако генерал пока не был готов определить образ действий Петербурга на будущее. Ему хотелось, «чтобы разоружённая Маньчжурия, прорезанная русской железной дорогой, охраняемая русскими войсками, надёжно прикрывала Приамурский военный округ»²⁹. Какой именно порядок скрывался за обрисованной картиной – не вполне ясно, возможно, что и сам А.Н. Куропаткин предпочитал тогда не детализировать свои представления, не настаивая пока на немедленном присоединении Маньчжурии к России (этого больше всего опасался С.Ю. Витте, полагая, что такой шаг послужит сигналом для Японии захватить Корею)³⁰. Он даже не предполагал держать постоянно в Маньчжурии русские части³¹.

Участие русских войск в походе объединённого отряда ряда держав на Пекин стало предметом серьёзной дискуссии в российском руководстве. Противостояние в этом вопросе А.Н. Куропаткина и С.Ю. Витте в итоге вылилось также в серию интриг вокруг определения дальнейшего курса российской политики на Дальнем Востоке в целом. А.Н. Куропаткин начал интриговать против В.Н. Ламздорфа, назначенного 24 июля 1900 г. управляющим Министерством иностранных дел после скоропостижной смерти М.Н. Муравьёва. В свою очередь граф был уязвлён тем, что военный министр действовал в Китае, не считаясь с мнением дипломатов, и угрожал оставить свой пост. Несмотря на увещевания С.Ю. Витте³², А.Н. Куропаткин отстранил от командования русскими войсками в Китае начальника Квантунской области Е.И. Алексева³³, который получал все указания из Министерства иностранных дел, и назначил своего ставленника – генерала Н.П. Линевиича, сразу отправив его во главе от-

²⁹ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.218. Л.13–19.

³⁰ С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 6 [августа 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.39–40.

³¹ Quested R.K.I. Op. cit. P.45–46.

³² С.Ю. Витте объяснял А.Н. Куропаткину, «что он в[оенный] м[инист]р, а не м[инист]р и[ностранн]ых д[ел] и не м[инист]р ф[инанс]ов, а потому или пусть он назначит вместо нас своих генералов, или пусть не выходит из своей роли» (С.Ю. Витте – Д.С. Сипягину 14 [июля 1900 г.] // Красный архив. 1926. №5 (18). С.34).

³³ А.Н. Куропаткин прямо заявлял, что не может доверить ему командование войсками (А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 29 октября 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.78–79).

ряда в Пекин, что явилось неожиданностью для В.Н. Ламздорфа. Немаловажная деталь: военный министр действовал при поддержке Николая II, который с лёгкостью принимал решения, противоречившие прежнему курсу российской политики в Китае. С.Ю. Витте очень беспокоило обоюдное желание военного министра и императора не допускать Японию в Корею и их агрессивная реакция на японское предложение обменять Корею на Маньчжурию.

Но как ни странно, всё вместе это сыграло скорее на руку министру финансов: круг неразрешимых проблем оказывался настолько велик, что не оставлял места для грубой агрессии. В начале августа 1900 г. А.Н. Куропаткин представил записку, в которой изложил возможные требования России к Китаю. В сущности, там были намечены многие условия, которые Петербург затем предъявил Пекину: возмещение убытков, запрет держать регулярные войска в Маньчжурии, контроль русских над китайской администрацией и защита КВЖД русскими войсками. 11 августа 1900 г. С.Ю. Витте представил ответную записку, в которой писал об опасности присоединения Маньчжурии³⁴, так как это послужило бы сигналом к разделу Китая. России пришлось бы пойти на большие затраты, чтобы укрепить свои рубежи, на которых появились бы западные державы³⁵. Министр финансов также заручился поддержкой К.П. Победоносцева, ознакомив его с письмом Николаю II³⁶. В итоге на совещании 12 августа 1900 г. под председательством царя произошел окончательный перелом: участники решили вывести из Китая войска, как только позволят обстоятельства³⁷. Этот вердикт русские представители за границей получили в виде циркулярной ноты. Пока же, несмотря на просьбы цзянь-цзюней прекратить движение войск, которые поступали к командованию с 9 августа 1900 г., русские части продолжали занимать пункты в глубине китайской территории³⁸.

Для военных боксёрское восстание явилось удобным поводом, чтобы попробовать решить разом большинство беспокоивших их проблем. В частности, приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков предлагал воспользоваться ситуацией и забрать себе часть Северной Маньчжурии³⁹. В ответ Николай II подтвердил свою позицию, высказанную Ли Хунчжану: он объявил, что решил «не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям, а

³⁴ Н.И. Гродеков ещё в конце июля 1900 г. распорядился, чтобы в Маньчжурии китайская администрация была отстранена от управления «с полным подчинением нашей власти и законам» (Симанский П.Н. Указ. соч. С.110). Распоряжения генерал-губернатора встревожили англичан: они решили, что оккупация Маньчжурии – это надолго.

³⁵ Пролог... С.118–120.

³⁶ Красный архив. 1926. №5 (18). С.39–40.

³⁷ Там же. С.41.

³⁸ Симанский П.Н. Указ. соч. С.105.

³⁹ Н.И. Гродеков – в Военное министерство 6 августа 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9023. Л.72; Пролог... С.118–119.

ограничиться принятием мер, необходимых для спокойного и прочного пользования железными дорогами, проводимыми нами через Маньчжурию, и для свободного плавания наших судов по р. Амуру»⁴⁰. В дополнение самодержец уточнил, что он также не собирается вводить русскую администрацию в занятых областях Срединной империи, оставляя управление за цзянь-цзюнями. Из их ведения изымалось только командование китайскими войсками⁴¹.

Позднее эта точка зрения получила подтверждение в «Основаниях русского правительственного надзора в Маньчжурии», утверждённых 4 декабря 1900 г.⁴² Они были составлены на основе записки А.Н. Куропаткина, с внесёнными в неё С.Ю. Витте исправлениями. Министр финансов стремился не затягивать господство военных в Маньчжурии, одновременно продлевая оккупацию на неопределённое время⁴³. Согласно этому документу, местная власть сохранялась за китайской администрацией (цзянь-цзюнями и даотаями, но их назначение обязательно согласовывались с русскими), китайские войска в Маньчжурии упразднялись и заменялись стражей, её численность определялась российскими генералами. Для наблюдения за ней, а также за русскими частями при каждом цзянь-цзюне учреждалась должность русского военного комиссара. Решение любых политических вопросов отдавалось в исключительную компетенцию Петербурга и Пекина⁴⁴. Но общий смысл документа без сомнения подтверждал уже высказанную позицию: Россия не намеревалась присоединять Маньчжурию или её часть, а все меры по вмешательству в дела китайских провинций носили временный и вынужденный характер. «Основы...» должны были стать базой для подготовки соглашений с цзянь-цзюнями, а затем – и общего соглашения с Пекином⁴⁵. Для того, чтобы расположить местные китайские власти к себе, Николай II разрешил С.Ю. Витте подарить каждому цзянь-цзюню по 100 тыс. лан⁴⁶.

⁴⁰ Проект телеграммы Н.И. Гродекову, одобренный Николаем II 12 августа 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9023. Л.71; Симанский П.Н. Указ. соч. С.107; Пролог... С.120–121.

⁴¹ Проект телеграммы Н.И. Гродекову, одобренный Николаем II 25 августа 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.1.

⁴² Согласно П.Н. Симанскому, «Основы...» были разработаны А.Н. Куропаткиным, 31 октября поддержаны совещанием трёх министров в Ялте, 7 ноября их утвердил царь, 11 ноября документ сообщили Н.И. Гродекову и Е.И. Алексееву (Симанский П.Н. Указ. соч. С.111).

⁴³ Романов Б.А. Указ. соч. С.272.

⁴⁴ Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.868. Л.71–73. Содержание «Основ...» также см.: Симанский П.Н. Указ. соч. С.112; Романов Б.А. Указ. соч. С.269–273).

⁴⁵ Романов Б.А. Указ. соч. С.266.

⁴⁶ Там же. С.251. Согласно телеграмме С.Ю. Витте А.И. Юговичу 15 июня 1900 г., министр финансов выделил главному инженеру КВЖД всего 100 тыс. лан на взятки не только цзянь-цзюням, но и остальным китайским администраторам в трёх провинциях

Несмотря на кажущуюся твёрдость намерений России, С.Ю. Витте весьма тревожился тем, что вся власть в Маньчжурии находилась в руках генералов, а они думали совсем иначе, не очень считаясь со взглядами других, даже Николая II⁴⁷. В сентябре 1900 г. А.Н. Куропаткин предложил не спешить с выводом русских войск из Маньчжурии, так как опасался, что их заменят отряды солдат из США, Японии и других держав⁴⁸. Не оспаривая сохранение местной китайской администрации⁴⁹, генерал полагал, что русские интересы следует защищать с помощью договоров с цзянь-цзюнями и запретив иностранцам появляться в Северном Китае⁵⁰. Мало того, что эти намерения не соответствовали уже заявленным декларациям, но и их осуществление столкнулось с непреодолимыми трудностями. Так, уже в октябре 1900 г. возник вопрос о судьбе железной дороги Шанхайгуань–Инкоу, построенной на английские деньги. Несмотря на то, что военный министр не желал видеть на ней иностранцев, а С.Ю. Витте был с ним солидарен, Россия ещё 16 апреля 1899 г. признала, что трасса не принадлежала китайцам, поэтому к ней пришлось допустить её хозяев⁵¹. Наконец, 5 октября Н.И. Гродеков и Е.И. Алексеев получили прямое распоряжение из Петербурга поспешить с возвращением власти китайским администраторам⁵².

Энергия военных пугала петербургских сановников, так что они шарахались даже от мер, в общем-то безобидных. В конце 1900 г. Н.И. Гродеков предлагал вместо контрибуции с Китая потребовать от него права использовать золотые прииски в Маньчжурии, которые, по оценке генерала, ежегодно давали до 400 пудов благородного металла, а также каменноугольные копи и лес⁵³. С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф не поддержали идею, полагая на тот момент не-

Маньчжурии (РГИА. Ф.560. Оп.22. Д.211. Л.20). Скорее всего, эта цифра точнее, так как С.Ю. Витте был всегда скуп на «подарки» китайцам.

⁴⁷ Пролог... С.140.

⁴⁸ А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 24 сентября 1900 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.5304. Л.1.

⁴⁹ Предлагаю сохранять «насколько возможно» существующий строй Китая, А.Н. Куропаткин тем самым косвенно признавал неизбежность изменений в нём (А.Н. Куропаткин – Е.И. Алексееву 29 сентября 1900 г. // РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.9034. Л.34).

⁵⁰ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 4 октября 1900 г. // Там же. Л.42–43.

⁵¹ А.Н. Куропаткин – С.Ю. Витте 6 октября 1900 г. и ответ министра финансов 7 октября 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.46. Л.26–27. Хозяева соглашались уступить эту дорогу России (явно не придавая ей стратегической роли), но С.Ю. Витте счёл, что «политическое значение линии не оправдывает высокой цены, назначенной англичанами» (Коростовец И.Я. Указ. соч. С.118). Подробнее см. гл. 2 «Экономическая политика России на Дальнем Востоке».

⁵² Пролог... С.138.

⁵³ Н.И. Гродеков – А.Н. Куропаткину 27 ноября и 9 декабря 1900 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.196. Л.73, 75.

допустимым посылать в Маньчжурию даже небольшие группы специалистов для разведки месторождений. По их мнению, это привлекло бы внимание иностранцев и определённо активизировало бы их активность в Северном Китае. Возможно, что министр финансов не столько проявлял осторожность, сколько не хотел того, чтобы природные богатства Северного Китая оказались в руках военных. Всего лишь несколько месяцев спустя С.Ю. Витте сам начал борьбу за обладание маньчжурскими концессиями.

Впрочем, пока расхождения в позициях Военного министерства и Министерства финансов не носили ещё непримиримого характера, во многих пунктах относительно дальнейших действий России в Китае они сходились, а перспективы были слишком туманны, чтобы настаивать на детальной программе на будущее. Так, Д.Д. Покотилов предлагал С.Ю. Витте «не гоняться» за двором, бежавшим из Пекина, а сосредоточиться на переговорах с местными китайскими властями в надежде, что их результаты войдут составной частью в общее соглашение с Китаем⁵⁴. Это немногим отличалось от предложений военных. Рамки же русского курса определялись в правительственном сообщении 19 сентября 1900 г., в котором Петербург обещал не аннексировать Маньчжурию⁵⁵.

8.3. Начало русско-китайских сепаратных переговоров

Правительственное сообщение совпало по времени (наверное, не случайно) с началом русско-китайских контактов по поводу Маньчжурии. 25 июля 1900 г. Ли Хунчжан заявил китайским представителям за границей, что он уполномочен вести переговоры с державами о мире⁵⁶. В конце августа 1900 г. российского посланника М.Н. Гирса в Пекине тайно посетил князь Цин⁵⁷. Это был первый за несколько месяцев контакт с представителем китайского правительства. В начале сентября 1900 г. в Таку и Тяньцзине Ли Хунчжан имел встречи с Е.И. Алексеевым, в ходе которых он просил адмирала не вводить русские войска в Мукден (они всё-таки появились там 18 сентября), обещая взамен, что цзянь-цзюням будет предоставлена возможность самостоятельно

⁵⁴ Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 20 сентября 1900 г. // Там же. Л.1–4.

⁵⁵ Пролог... С.137. Правительственному сообщению предшествовали неоднократно данные иностранцам (например, англичанам) уверения в том, что Россия обязательно очистит Маньчжурию. С таким заявлением российский посол в Лондоне посетил Форин офис 16 (28) августа 1900 г. (Форин офис – Ч. Скотту 28 августа 1900 г. // PRO FO. 65/1597. P.123). на следующий день, 17 августа, В.Н. Ламздорф лично разъяснял в Петербурге британскому послу, что Россия не собирается вечно оккупировать Маньчжурию (Ч. Скотт – Р. Солсбери 30 августа 1900 г. // PRO FO. 65/1600. P.241).

⁵⁶ Пролог... С.109.

⁵⁷ Коростовец И.Я. Указ. соч. С.93.